

9 МАЯ 1945 ГОДА. ДЕНЬ ПОБЕДЫ

№ 242 НАШ ПЕРВЫЙ ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

9 мая 1945 года мне пришлось встречать на 3-м Прибалтийском фронте. Как-то долго нам было ждать этого. Ведь иногда одна минута кошмарных боев тянулась как вечность. За одну минуту боя люди седали. Всем фронтовикам было тяжело, но тем, кто темными осенними ночами 1941—1942 годов прыгал с самолетов в глубокий тыл к гитлеровцам, чтобы наносить удары с тыла, было еще тяжелее. Мне пришлось это испытать. Кто переползал минные поля без саперов и миноискателей, знает, как это тяжело.

Но вот и пришел наш светлый, радостный праздник. Как это было?

7 и 8 мая 1945 года наш 119-й стрелковый корпус 1-й Ударной армии вел напряженные бои против Курляндской группировки гитлеровцев. Ночью наши войска шли бесконечным потоком на запад, тысячи танков, самоходных орудий преследовали отступающего врага.

Часа в 3 утра 9 мая в рядах солдат раздался неясный ропот радости. Через минуту все стало известно. Навстречу войскам скакал на коне начальник политотдела полковник Леонтьев. Он резко остановил коня и бросил в ряды солдат только одно слово: «Кончилась!!!», а нам было уже ясно, что кончилась великая драма человечества, что пришла долгожданная победа.

Грянуло могучее солдатское «ура», от которого задрожала земля. Незнакомые люди целовали друг друга, обнимались и плясали.

Из всех видов оружия дали последний салют — дань почести погибшим героям, кто не дождался победы, и дань доблести живым.

Все мы головы повернули на Восток, где была Родина, мать, отец, друг и брат. Все ждали первые лучи восходящего солнца, чтобы убедиться, что оно еще светит для нас, того солнца, лучи которого во сто крат в это утро светили ярче, так как это было утро победы, утро великого праздника.

Когда рассвело, то мимо нас стали проходить бесконечные колонны убийц-«завоевателей», они были уже пленены и опустили головы под тяжестью совершенных преступлений.

*Устинов М.А.,
г. Новгород,
5 мая 1965 г.
Д. 1. Л. 130—130 об.*

№ 243 ВАХТА В ЧЕСТЬ ПОБЕДЫ

В День Победы 9 мая 1945 года я катала вагоны в шахте, подкатила вагон, стволочной не было на рабочем месте. Я поставила в клеть вагон, дала сигнал на-гора. Против ствола была камерная, где камеронщица качала воду, там же была и столовая.

У клетки был телефон, звонил без перерыва. Я взяла трубку. Говорил начальник шахты Ливицкий Иосиф Стапиславович. Его голос я сразу узнала. Он сказал: «Передайте сменному мастеру пусть все бросают работу и выезжают на-гора. Будет митинг в честь победы над фашистской Германией». Я не верила этим словам. Позвала камеронщицу, стволочного и говорю: «А ну, послушайте, что говорит Ливицкий». Камеронщица взяла трубку и закричала: «Ура! Ура! Победа!!!» На стволе у нас стояла самая бойкая женщина, она работала еще до войны в шахте и очень любила свою работу. Она носила стриженные волосы, ее звали Колесниченко Аня. Она работала на лебедке, на компрессоре и очень хорошо держала в руках отбойный молоток. Как даст за смену 20 шнуров, так две смены после ее бурения катают. Она заменяла даже запальщика. И вот эта Аня собрала всю смену к стволу в шахте, большинство работали женщины, только к концу войны на шахту пришли мужчины, которые были ранены. Минут через 15 у ствола были все 28 человек, молодые девчата, пели, плясали, трясли друг друга за плечи, и установилась очередь на клеть. На клеть положено 4 человека, а тут по 5—6 становились сразу. Когда клеть тронулась из шахты, кричали «Ура!», «Победа за нами».

Мне лично ждать было некого. Мой муж погиб в январе 1942 года. В борьбе за Великие Луки. Когда выехала на-гора, то у горного цеха был народ со всего рудника. Начальник цеха приветствовал от нас всех: Центральный комитет партии, Вооруженные силы и весь советский народ, который не жалел своих сил, отдавал свой труд, считая это вкладом в дело освобождения нашей Родины от врагов. На митинге выступали шахтеры и даже домохозяйки. Дуся Арзановцева выступила на митинге, у нее погибли два сына и муж. Слово взял директор рудника Бодернов Иван Демьянович. Он сказал, что сегодня будет праздник на всем руднике. На митинг народ собрался быстро, а расходиться никому не хотелось. Кто плачет, а кто смеется. Особенно [радовались] фронтовики, которые недавно вернулись [домой]. Секретарь партийного бюро Филатов Василий Яковлевич капитаном был на войне. Блохутин Иван Федорович был политруком, а у нас начальником смены. Он всегда трудился честно, без усталости.

Когда собралась вторая смена, сменного Цыганова Романа Ивановича, [она] не согласилась праздновать. Сменный собрал своих рабочих, и договорились открыть люк магазина. Так как на обогатительной фабрике все четыре [чаши] были свободные. Начальник фабрики Выдрашка сказал: «Принимать руду буду в неограниченном количестве». Смена была маленькая: одни каталы да крепильщики. Начальник рудника поддержал рабочих, а сам засмеялся и говорит: «Только нам нужна руда содер-

жательная». Он сказал, что включит нас во всесоюзное соревнование с золотодобытчиками.

Так вторая смена спустилась в шахту и начала выдавать из магазина готовую руду. Запас в магазине был больше 8 тысяч тонн.

Горняки решили устроить свою производственную победу, минут через 20 пошел первый вагон, оставшиеся на-гора решили, что у них ничего не получится. Мы думали, что в люк попадают огромные глыбы и задерживают остальные. Как только вышел первый вагон, приемщик не успел его снять, как с шахты еще два сигнала. Нижняя клеть становится раньше на почву. Верхнюю нужно снять гораздо быстрее. «Ну и ну, — говорит Иван Демьянович, — вагон за вагоном». А смелый Иван Трофимович Голопутин говорит: «Девчата, не подкачайте! Не уступайте мужчинам!!!» А сам помогал девчатам.

Каталы были квалифицированные женщины, всю войну катали. Колесникова Кира Семеновна, Атексанова Катя, подменная Путинцева Люба и двое мужчин: Сулеманов Миша, Милицкий Георгий. До войны и после нее они работали в шахте крепильщиками, у них совсем не было сноровки так быстро ворочать и ставить вагон, если он слетит с рельс. Вторая смена выехала на-гора глубокой ночью, когда на горизонте появился бледный рассвет зари. Сменная норма была 22 вагона с люка на одного каталу. В этот же раз она выдала больше, чем предыдущие смены. Они дали за смену 443 вагона руды. Завалили всю фабрику, всю эстакаду, даже вынуждены были оторвать доски с эстакады и руду сыпать прямо на почву. Жены горняков изъявили желание помогать грузить руду с почвы в вагоны. Начальник смены кричал, что хватит.

Обогатительная фабрика завалена до отказа. Когда выезжали каталы, то секретарь партийного бюро Филатов приготовил «молнию». Красиво оформленная «молния», где было написано: «Привет передовикам социалистического соревнования, одержавших трудовую славу в честь Дня Победы». Они выдали 443 вагона руды. Большую победу одержали Колесникова и Путинцева, они заняли первое место.

Так запомнился мне День Победы над фашистской Германией и трудовая производственная победа у себя на шахте. Этот день останется у меня памятным до конца моей жизни.

*Андрюшкевич Л.И., труженица тыла,
Челябинская обл., ст. Берды,
21 апреля 1965 г.
Д. 2. Л. 9–12.*

№ 244

ДЕНЬ ПОБЕДЫ Я ПРАЗДНОВАЛА ДВАЖДЫ

Этот день для меня начался 8 мая 1945 года.

Придя в штаб 54-й авиационной Орловской дивизии дальнего действия, где я работала секретарем-машинисткой политотдела, начальником которого был гвардии подполковник Трусов Иосиф Михайлович, я услышала

от него: «Таня, — как он меня звал, — война закончилась, но об этом официального сообщения нет — сегодня парад» (мы в то время находились в Польше, г. Кросно). Участие в параде приняли наши и находившиеся в то время войска в Кросно.

Население г. Кросно на парад шло по группам: рабочие, служащие, пионеры, комсомольцы, коммунисты, школьники, студенты, учителя. Все, соответственно, в форме. Все это надо было видеть (иметь фотоаппарат): песни, пляски, оркестры, гармошки, аккордеоны.

В Кросно много костелов, церквей, где также были установлены репродукторы: «батюшки» воспевали этот день торжества, день победы, (музыка органов) раздавались всюду.

А вот настоящий День Победы наступил 9 мая 1945 года, и я все годы вспоминаю, что этот день — день Великой Победы я праздновала дважды.

Рано утром, очень рано, 9 мая вдруг стук в окно. Начальник политотдела послал дежурного по штабу вызвать меня. Я его спросила, что случилось, он мне не говорил, а кричал: «Бегом! Надо отпечатать последнюю сводку Информбюро: «Война закончилась! Победа»».

Я не бежала, а, как говорится, летела — в городе была стрельба сильнейшая, стрельба салютов, крики радости, песни, несмотря на ранний час, чувства радости не было конца. Я знала, что этот день придет — я уверенно ждала день победы.

Я в своей должности секретаря-машинистки прошла вместе с частью, выстрадав в жестокой битве у стен Москвы, на Орлово-Курском направлении, при обороне Ленинграда, прошла весь путь по Украине, Польше, Чехословакии.

Ужасы войны видела.

И вот этот долгожданный день пришел — День Победы 9 мая 1945 года. Позади остался пройденный путь — очень длинный, тяжелый путь, трудный для всего народа, Родины.

Что я еще очень хорошо запомнила, после дня победы 9 мая первое воскресенье было объявлено выходным днем как вознаграждение — конечно, мы не покидали рабочих мест, но сознанию радости не было конца.

Потом, несколько позже, я запомнила, как возвращались наши войска — кавалеристы, день и ночь — несколько суток — на лошадках, машинах — наши дорогие победители-воины, уставшие, утомленные, раненые, но веселые — радостные — с песнями, криками «Ура, мы победили», духовой оркестр был при них, сидя на тоже уставших, утомленных лошадках, — играли каждый на своем инструменте — мы провожали, выходя из штаба, посылали свои поздравления кто как мог. Всюду слышались солдатские песни, кто пел: «Три танкиста, три веселых друга», другие «Выходила на берег Катюша», «Девка краса, руса коса, ты улыbnулась мне».

Ликованию не было конца. Машины были украшены березками, зеленью, плакатами. Как сейчас их помню: «Мы едем в колхоз», «На родной завод возвращаемся», «Едем в город — домой», «Мы восстановили разрушенные войной города, села, заводы», «Мы едем к родителям», «Меня ждет мать»,

«Ждут родители», «Едем к невестам» и т. д. Много я в то время сделала записей, но затеряла, а в памяти ничего не забывается, не теряется.

Я всегда была уверенной, что иначе и не могло быть, как то: мы должны победить, и мы победили.

*Андреева А.К. (Герус),
участница Великой Отечественной войны
и войны с Японией,
Азербайджанская ССР, г. Сумгаит,
6 мая 1965 г.
Д. 2. Л. 21–23а об.*

№ 245

ШТУРМ РЕЙХСТАГА

В день 1 мая 1945 года части 79-го стрелкового корпуса, которым командовал... генерал Переверткин, штурмовали Рейхстаг. Земля и небо — все гудело вокруг от беспрерывных разрывов снарядов, мин, ракет, моторов самолетов и танков. Шел последний решительный бой. Мужество и самоотверженность охватили всех бойцов и офицеров. Начальник связи артиллерийского полка 207-й стрелковой дивизии капитан Вешкин на соседнем с Рейхстагом здании (весьма сходном с Рейхстагом) водрузил победное Красное Знамя. Немцы вели бешеный огонь по наступающим и специально подбили красный флаг, который сильно накренился. Чтобы воодушевить бойцов на героические подвиги, капитан Вешкин, презирая смерть, под ураганным огнем вновь водрузил красный флаг на этом здании, при этом сам погиб смертью храбрых.

В ночь с 1 на 2 мая бои окончились полной капитуляцией немецкого гарнизона в Берлине. 2 мая 1945 года колонны пленных немцев шли по своему городу с опущенными головами. Мы праздновали Великую Победу.

*Андронов И.М., гвардии майор запаса,
г. Сумы,
10 июня 1961 г.
Д. 2. Л. 44–45.*

№ 246

ДЕНЬ ПОБЕДЫ В ЛЕНИНГРАДЕ!

Я сама ленинградка, и День Победы мне довелось встретить в Ленинграде. Я училась тогда на первом курсе Академии художеств, куда поступила осенью 1944 года.

Я хорошо помню жизнь и обстановку в институтах тех времен. Плохо одетых студентов (ботинки у многих отчаянно разваливались, пальто неудержимо расползались), карточки (многим не каждый день доставалось

досыта поесть), великое преобладание девушек на факультетах, много инвалидов среди молодежи, и без рук, и без ног, и на протезах, и на костылях.

Мы находились на полном, как теперь говорят, самообслуживании. На обязанности студентов лежали заботы по отоплению института, мы сами выгружали дрова из барж на Неве, сами таскали их в академический двор, сами пилили и кололи, сами топили печи. Сами следили за чистотой своих аудиторий, сами зимой убирали снег с мостовой против дверей института. Чего, чего вообще не приходилось нам делать в те годы! Мы стеклили и мыли окна, сажали деревья, разбирали развалины.

В здании нашего института стоял страшный холод. Мы занимались в пальто, в шапках, в валенках. Каменные помещения огромных аудиторий, выстудившиеся за годы войны и блокады, невозможно было прогреть слабо накалявшимися, давно уже отслужившими свой век печками. Да кроме того, и окна многих помещений были лишь отчасти застеклены, а множество оконных рам были попросту забиты фанерой. Мы сами же и забивали осенью, прежде чем начать учиться. Зимой фанера покрывалась инеем, в щели вокруг нее дуло, и холодный ветер с набережной проникал в аудиторию.

И тем не менее, мы учились. Учились с энтузиазмом и удовольствием, и наши студенческие годы представляются нам сейчас, видимо, как и всем когда бы то ни было учившимся людям, самыми лучшими, светлыми и прекрасными годами жизни.

Молодой дух был бодр, и бодрость эта к весне 1945 года все нарастала, оттого что все ближе приближался день Победы. В конце апреля его уже ждали со дня на день. Сводки Совинформбюро уже сообщали о боях на подступах к Берлину, а затем в самом Берлине.

И день этот наступил. Как ни ждали его, как ни готовились к тому, что он вот-вот придет, все равно он был каким-то внезапным и неожиданным, как взрыв всеобщего счастья.

Еще дома, по радио, мы узнали, что сегодня День Победы, что объявлен он нерабочим днем, и тем не менее мы все собрались у себя в институте. Конечно, не учились, а в ожидании митинга в безудержном веселье, как дети, гонялись по набережной, кружились, сцепившись за руки. Хотелось сделать что-то необыкновенное. Сорваться с места и полететь в голубое весеннее ленинградское небо, над водным простором Невы, над домами, деревьями. Духовная радость Победы словно обрамлялась, дополнялась тем, что произошла она в один из самых лучших месяцев года — май, месяц цветения, рождения листы, произрастания семян.

Ленинградский день был чудесен! Солнце ослепительно сияло. Легкими мазками зеленой краски покрыла природа траву и ветки деревьев в садах, скверах и парках. Удивительный город, имеющий замечательную способность вообще необыкновенно красиво блестеть в солнечных лучах, и утренних, и полуденных, и вечерних, блеснул, по-моему, в этот день как-то особенно празднично и ярко. Хотя то, что всегда составляет как бы ореол его блеска: его золотые купола и шпили, были в те дни замазаны серой краской, хотя кругом было еще так много разрушенных домов, а прекрасные

блестевшими на фоне коричневых, загорелых потных лиц. Грудь у каждого была увешана орденами, позвякивавшими медалями, на рукавах у многих краснели нашивки из маленьких красненьких ленточек, обозначающих число ранений, полученных на фронте.

Были в этом строю всякие, разные, высокие и низкие, худые и широкоплечие, со светлыми голубыми глазами и с темными, черными. Лица у одних были типично русскими, у других с казахским разрезом глаз, у третьих с грузинской горбинкой носа, были старые и молодые, усатые и безусые, красивые и совсем нет, с погонами офицеров и рядовых, но все они составляли одно целое, одну славную колонну Победителей, и ко всем им вместе горело в сердцах встречавших их людей огромное чувство благодарности и любви.

Что делалось кругом — трудно описать!

Люди сбегали с тротуаров, бросались к ним, обнимали их и целовали, и плакали, и одаривали непременно хоть чем-нибудь, кто чем мог. Им дарили папиросы и табак, вышитые полотенца и носовые платки, белый хлеб и пироги. Свалили в руки портсигары, кисеты, мундштуки, трубки. Там, смотришь, кто-то розовый кусочек мыла туалетного протягивает, там пачку белой почтовой бумаги, там вязанные на спицах носки. Многие дарили просто пакетики, пакетики разные, то ленточкой перевязанные с бантиком, то просто в газетную бумагу завернутые. Посторонним глазам не видно, что в пакетиках, но всем было видно, что непременно что-нибудь дорогое для дарящего, что от души хотелось подарить. Подарки дарили не только отдельные люди, их встречали и дарили им представители от организаций, преподносили им хлеб-соль. Я помню, видела, как два солдата несли вдвоем огромный пирог, подаренный какой-то фабрикой.

Они так и шли по улицам, увешанные подарками, нагруженные пакетами, с пачками папирос в руках, с кирпичиками белого хлеба, с пирогами, с цветами, и все улыбались и улыбались всем яркими улыбками белых зубов на загорелых, уставших, но счастливых лицах.

Трудно было тогда достать цветы, негде было купить папирос, мыла, белого хлеба. И папиросы, и мыло, и хлеб — все выдавалось по карточкам, а белый, который с нашей сегодняшней точки зрения был совсем серым, выдавался вообще только по детским карточкам. И тем не менее, все это нашлось у людей, нашлось для солдат.

И снова радость захватывала сердце. Радость оттого, что Победа, что не только светло светят окна на улицах по вечерам в городе, но что вот и воины пришли, вернулись в свой родной дом.

Но, конечно, несмотря на все радости совершившегося в 1945 году, невозможно было забыть того, что было пережито в 1941-м. И вспоминалась блокада, и голод, и обстрелы, и тысячи погибших от голода, от бомбежек, от обстрелов, и в боях за прекрасный и любимый свой город.

И вспоминалось увиденное в 1942 году на Дороге жизни, по которой тысячи ленинградцев выезжали на «большую землю». Вдоль подъезда к озеру много располагалось солдатских землянок, и я видела сама, как порой, когда вереница автомашин, везших измученных, голодных ленинградцев,

почему-либо останавливалась, из землянок этих выбегали солдаты и совали в руки голодным людям кусочек хлеба или солдатской колбасы, сухарь или еще что-нибудь в этом роде, съестное, спасительное.

Любовь народа к своей армии и армии к народу — не в этом ли было одно из условий нашей Великой Победы?

Вот так я помню и часто вспоминаю те неповторимые и счастливые Победные дни...

*Баландина И.А.,
г. Москва,
6 мая 1965 г.
Д. 4. Л. 134—135.*

№ 247

ВСЕ, ЧТО БЫЛО ЗАГАДАНО, ВСЕ ИСПОЛНИЛОСЬ В СРОК...

День Победы... Этот день мне довелось провести в Берлине (в числе других офицеров я приехал на автомашине из Штеттина, где наши части строили железнодорожный мост через Одер).

Не нуждаются в подробном описании те чувства и настроения, с которыми мы — советские воины — проводили этот день всенародного торжества в поверженном Берлине: наша радость, наше воодушевление было безграничным.

Продвигаясь пешком к центру, к Рейхстагу, мы вышли на большую площадь — Вильгельманплац, заставленную памятниками разным там Вильгельманам и Фридрихам, причем все эти вояки восседали на огромных битюгах.

У этих памятников многочисленные группы наших солдат фотографировались вместе со своими офицерами и генералами.

И тут я увидел картинку, которая и сейчас стоит, как живая, перед моими глазами: на огромный памятник одному из Вильгельманов каким-то чудом взобрался наш лихой кавалерист и, держа под узды колоссального конягу, задорно пел, чуть-чуть изменив слова популярной фронтовой песни:

**Все, что было загадано,
Все исполнилось в срок...**

Вот эта картинка мне почему-то и запомнилась на всю жизнь.

*Барановский Н.В.,
капитан запаса,
г. Челябинск,
9 июня 1961 г.
Д. 4. Л. 144—144 об.*

короткое время для уничтожения огневых точек противника и тут же с боем продвигались вперед.

И вот все осталось позади.

На рассвете 7 мая, спешившись с танков, мы заняли оборону на окраинных улицах г. Дрездена. Нас удивила совершенно эта абсолютная тишина этого будто бы совсем мирного города. И в сердце каждого из нас была какая-то радостная тревога, после сильных боев и вдруг этот «совсем спокойный» большой немецкий город не ожидал нас встретить без боя. Вот именно, что не ожидал.

Был каждый дом, каждая крыша дома укреплены эсэсовскими пулеметчиками и фаустпатронщиками. Завязались сильные уличные бои. Мы с ожесточенными боями занимали дом за домом, улицу за улицей с чувствами весенней бодрости и еще с какими-то неизвестными чувствами, которые подсказывали каждому из нас близость мира. Мы продвигались, но, конечно, не без потерь.

Много боевых друзей мы похоронили в этих первых улицах г. Дрездена, которые так и не узнали, что это был последний день войны. Бои шли весь день, всю ночь и лишь к утру 8 мая мы подошли к центру города. Целыми колоннами шли немецкие солдаты, побросав оружие, к нам в плен. На улицах лежали целые горы брошенного солдатами оружия всех видов. Улицы засияли белыми флагами, извещающими капитуляцию города, все мирные жители города вышли на улицы с белыми повязками на рукавах и веселыми улыбками на устах, с возгласами: «Гитлер капут, эс лебе русиш солдат». А некоторые даже бросали цветы с балконов и окон на идущих уже прямо колонной и с песней русских солдат. А мы шли и пели:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.

Одним словом, это уже не было похоже на войну, а на какой-то парад-демонстрацию. И в душе каждого из нас была неизмеримая радость героя-победителя, и будто совсем не было войны, только в строю не хватало боевых друзей, которые еще вчера были с тобой рядом.

И вот в этот момент, когда мы с песней колонной шли по широкой улице Дрездена, впереди показалась легковая автомашина, она сравнялась с колонной, остановилась. Из машины вышли какой-то русский генерал и полковник. Они с улыбкой, взяв под козырек, [приветствовали] колонну и, когда [ее середина] поравнялась с приехавшими, была дана команда: «Середина, остановить колонну». Мы все словно замерли в ожидании чего-то важного и беспримерно радостного. И вдруг генерал что есть духу произносит: «Товарищи бойцы, поздравляю вас с победой, враг капитулировал, война окончена!» Мы не заметили, как у каждого из нас, будто из самой глубины души, вырвался громкий возглас: «Ура!» И мне казалось, что все вокруг, и дома, и мирные жители, и даже разоруженные немецкие солдаты,

которые также колонной, сдаваясь в плен, продвигались в наш тыл, вместе с нами кричали «ура».

Это была настоящая радость, которую до этого еще никто и никогда так не испытывал. Даже у всех переживших и вынесших все невзгоды солдат на глазах появились слезы беспримерной радости. Я даже видел радостные до слез лица немецких женщин и детей, которые в этот момент окружали нас и вместе с нами ликуют эту радостную победу — конец войны, которого ждал чуть ли не весь мир.

Вот, кажется бы, и все, война кончилась. Но было не так. Правительство капитулировало, но отдельные немецкие части СС, видя неминуемую гибель, решили сражаться до последнего патрона. В ночь на 9 мая у самой реки Эльбы вновь вспыхнули уличные бои. В течение нескольких часов шла самая настоящая уличная война. Они стреляли с фаустпатронов не только по танкам, а даже по одиночным солдатам, и лишь к рассвету они мертвыми сложили свое оружие и вместе головы.

А утром 9 мая 1945 года был дан приказ нашему корпусу поспешить в Чехословакию, на Прагу, где с ходу вступили в уличные бои за освобождение Праги от озверевших гитлеровских частей СС, которые не думали сдаться живыми, и 11 мая мы окончательно разгромили гитлеровские полчища.

Вот такой у нас был конец войны.

*Горбовцев А., быв. автоматчик,
Луганская обл., г. Красный Луч,
20 апреля 1965 г.
Д. 14. Л. 220—221 об.*

№ 254

УЗНАВ О ПОБЕДЕ, ВОИНЫ ПЕЛИ И ПЛЯСАЛИ

Мне тогда было 19 лет.

Утро 8 мая 1945 года. Погода выдалась на редкость хорошая: солнечная, теплая, через некоторое время, правда, слегка дождь прошел. После госпиталя полтора месяца я учился на курсах шоферов (была у меня тайная мечта: потом стать танкистом и громить фашистов). Не окончив курса, попал я в командировку, в хозяйство инженера капитана Тинякова в г. Будапешт. (Участвовал в боях под Будапештом.) Писал рапорт за рапортом с просьбой отправить меня на фронт. Капитан все отказывал. Наконец-то упрямый мой командир согласился, разрешил мне готовиться в путь. Его легковая машина, на которой мы должны были ехать до пересыльного пункта, стояла уже во дворе. От радости я направился было к машине, но повара наши попросили, чтобы я позавтракал вместе с ними. «Это война, может быть, последний раз», — говорили они, волнуясь.

Вдруг слышу громкое «ура». Выхожу на балкон — женщины, дети, молодежь, пожилые мужчины, кто машет красной косыночкой, кто просто

успел прихватить с собой алое полотно, кто уже успел сделать маленький флажок, а их было много, все радостно кричат: «Ура! Война кончилась, спасибо русскому народу, спасибо русским солдатам, нашим освободителям. Слава Красной армии!» Кто произносил эти слова на венгерском языке, а кто чисто по-русски. Друг друга целуют, обнимаются. Разве слов найдешь передать эти торжественные минуты! А сколько было букетов живых цветов! Розы и другие.

По улицам Будапешта со знаменами прошли колоннами танки, артиллеристы, пехота. На малой скорости двигались автомашины, на открытых кузовах которых были поставлены столы, за которыми сидели офицеры и солдаты, поднимали бокалы в честь Дня Победы над Германией. Играли баяны, гармони, балалайки... воины пели и плясали.

Вскоре в расположение вернулся наш капитан, такой радостный, словно ему вернули вот сейчас его 18 лет! Поднимаясь на второй этаж по ступенькам, он кричит: «Вот, Евдокимов, вышло по-моему, никак я не хотел отправить тебя на фронт, остаешься служить у меня, война кончилась...» Обнял меня и расцеловал. Распорядился поварам: «Приготовить обед и ужин сегодня так, как вы встречали праздники у себя дома когда-то. Чтоб стол был накрыт, как полагается, солдатам не было обидно. Этот день должен быть памятным...»

Вечером все воины подняли тосты в честь Дня Победы. Красное виноградное вино разливалось по бокалам.

Капитан предложил произнести первый тост мне, так как я был моложе всех и успел уже участвовать в войне...

*Евдокимов И. Ф.,
зв. сержант запаса,
Свердловская обл., пос. Ударник,
20 апреля 1965 г.
Д. 20. Л. 14–15.*

№ 255

А ЗАВТРА ПРИЕДЕТ ПАПА?

В 45-м мне было шесть лет. Но День Победы запомнился на всю жизнь. Для меня, как и для миллионов других советских ребят, он был связан с мечтой о возвращении отца.

...То утро начиналось как обычно. Мама, работавшая учительницей, и старший брат собирались в школу. Вдруг резкий стук в окно. Когда распахнули створки окна, в комнату ворвался взволнованный голос учителя, проходившего мимо дома: «Победа!»

Крепко врезалось в память это слово. Помню, сразу же мелькнула мысль: на войне нечего больше делать. Завтра папа будет дома.

Я уже воображал отца, вернувшегося с фронта. Чтобы получить авторитетное подтверждение, я спросил маму: «А завтра приедет папа?!»

Она ответила, что теперь ждать осталось недолго. Я стал терпеливо ждать.

*Железнов В. И.,
г. Чебоксары,
3 мая 1965 г.
Д. 21. Л. 31.*

№ 256

РАДУШИЕ ПРАЖАН ОПИСАТЬ ПЕРОМ НЕВОЗМОЖНО...

Я, Жидков Владимир Григорьевич, в последние дни войны воевал в Чехословакии в составе 174-й РКК корпусной артиллерийской ордена Кутузова бригаде артрзведчиком. В первые дни мая наша бригада с боями продвигалась на помощь восставшей Праге, и 9 мая 1945 года свою 19-ю весну я встретил в залитой весенним солнечным светом Златой Праге, этот первый день долгожданного мира, и хотя еще в городе шли бои, немцы, засевающие в домах, удерживая в своих руках несколько кварталов домов, сопротивлялись с отчаянностью обреченных, а по земле уже твердой поступью шел первый день мира.

На празднично украшенных улицах красавицы Праги бурлил народ, вся Прага вышла встречать своих освободителей, всюду слышны возгласы: «Наздар, руси», «Наздар, руси армада»; славяне братья нас обнимали, целовали, и каждый чех старался пожать нам руку и этим самым отдать нам свою благодарность за освобождение их родины от гитлеровской оккупации. Нас всюду приглашали в гости, угощали, чем могли, спрашивали о нашей Родине. Меня пригласил в гости к себе участник Пражского восстания Юрий Баргонь, в то время проживавший по улице Брненской, 81.

В тот день до поздней ночи звучали над Прагой песни и музыка, вино пили на улицах прямо из бутылок по кругу, как братья, чехи и мы, а на дверях ресторанов и пивных баров были такие надписи: «Пиво для советских солдат и офицеров бесплатно».

Этот день навсегда останется в памяти тех, кто освобождал красавицу Прагу. Все радушие, с которым нас встречал народ Чехословакии, описать пером невозможно. Это надо увидеть и прочувствовать. Нужно было видеть, с каким изумлением толпы пражан на перекрестках больших улиц наблюдали за нашими девушками-регулирующими, с какой четкостью они регулировали движение грозной боевой техники, движущейся нескончаемым потоком.

В этот день, разыскивая коменданта Праги, мы успели побывать в Пражском кремле и с бульвара у кремля полюбоваться красавицей Прагой...

*Жидков В. Г.,
б/м,
б/д.*

Д. 21. Л. 56–57.

Особенно запомнились девушки-украинки. Они держались отдельной группой в сторонке и молча смотрели на нас. Некоторые плакали. Мы разговорились. Они были увезены в Германию, когда им было по пятнадцать—шестнадцать лет. Работали вместе. После случая, когда одна из них убила пристававшего к ней сына хозяйки, все были избиты и отправлены в лагерь. А теперь шли домой.

«А как нас встретят?»

«Может, и родных никого не осталось в живых?!»

И каким контрастом выглядела пара разнаряженных, завитых на чужой фасон девиц, нахально навязывавших свое знакомство. Стоящая у обочины дороги женщина с мальчиком лет восьми грустно смотрела на этих девиц. А остриженный наголо мальчуган Коля торопливо спрашивал: «А далеко до Бреста?»

Проехав Бранденбург, мы увидели встречавшего нас капитана, от которого узнали, что сегодня нам надо быть в Берлине. И чем скорее, тем лучше: объявили об окончании войны! Трудно передать чувство, охватившее нас: радость и грусть, какое-то шальное состояние...

По улицам Бранденбурга едем обратно. Кругом стреляют в воздух, пляшут, ходят с оркестрами, аккордеонами, целуются, спорят, хохочут, кричат «ура», кого-то качают на руках, машут флагами, пилотками...

Приехали в Берлин. Долго продвигались к центру города — море людское кипело, ликovalo, салютовало долгожданной победе, миру.

Не забыть того выступления у стен Рейхстага. Перед нами залитая людьми площадь. Мы слышим гул сдержанного дыхания огромной массы. Мы видим реющие над Рейхстагом красные флаги — символ родной, святой крови советского человека, пролитой им для счастья людей, во имя свободы.

Этот день 9 мая неизгладим из памяти.

Каплин В.М.,

быв. артист фронтового театра,

г. Орел,

13 июня 1961 г.

Д. 28. Л. 115—121.

№ 259

ЧТО Я ВИДЕЛ В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПОБЕДЫ В МОСКВЕ

... День 9 мая 1945 года мне пришлось рано утром встретить в Москве в составе войск, перебрасываемых на восток. Как человека, впервые попавшего в Москву, меня, естественно, интересовало, что собой представляет Москва. На каждой остановке окружной железной дороги мы выходили смотреть Москву и всюду видели, с каким энтузиазмом все ночи москвичи украшали город к празднику Победы.

В 7 часов утра мы были на ст. Перово. Перрон и привокзальная площадь были заполнены народом, и то, что мы там увидели, не поддается

никакому описанию. Ликование народа было до того восторженное, что мы, бывалые воины, не могли удержаться от слез. Кругом музыка, песни, пляски и слезы радости победы и горечи народной о тех, кто не дождался этого светлого дня.

Собравшийся народ подхватывал на руки солдат и офицеров, победителей и освободителей с криками: «Ура, слава победителям!». Несли их по перрону.

Это было незабываемое торжество победы, которое я сохранил до последних дней своей жизни, такое трудно описать и рассказать. Но нам пришлось по сигналу паровозного гудка продолжать путь на восток, и на всем пути до Арзамаса, на всех станциях мы были очевидцами всенародного ликования.

Киселев А.Д., подполковник запаса,

Донецкая обл., г. Комсомольское,

2 мая 1965 г.

Д. 29. Л. 55—55 об.

№ 260

МЫ ШЛИ СКВОЗЬ КОРИДОР ПЛЕННЫХ НЕМЦЕВ, СТОЯВШИХ НА КОЛЕНЯХ

Утром 8 мая 1945 года по всему фронту установилась необычная тишина. Хотя накануне вечером из нас кое-кто уже знал, что подписан акт о капитуляции фашистской Германии и война заканчивается, эта тишина поразила нас, и не верилось, что пришла долгожданная Победа.

Весь день 8 мая мы догоняли немцев, которые, не подчинившись акту о капитуляции, бежали на территорию Чехословакии. Мы проходили по безмолвным населенным пунктам. Немецкое население не показывалось на улицах. О признаках жизни свидетельствовали лишь вывешенные белые флаги — знаки капитуляции.

Утром 9 мая наша часть вступила в пределы Чехословакии. Мы сразу же очутились совершенно в другой обстановке. Очутились в обстановке любви и дружбы братского чехословацкого народа. Всюду нас встречало море радостных улыбок. Девушки в ярких национальных костюмах преподносили нам букеты таких же ярких весенних цветов, парни несли нам ведра с вином. Всюду слышалось радостное приветствие: «Наздар! Наздар!»

И так в каждой деревушке, в каждом населенном пункте, да и просто на дорогах, по которым мы проходили.

Нам и до этого приходилось проходить по освобожденным землям, но такой встречи, которую нам оказали в Чехословакии, еще не было.

Но особенно поразил нас случай, о котором я хочу рассказать.

В то время в Чехословакии было сильно развито партизанское движение. Партизаны совершали дерзкие налеты на фашистские гарнизоны, расположенные в населенных пунктах. В страхе перед партизанами немцы обносили такие населенные пункты укреплениями, превращая их в крепости.

Перед нашим подходом к одному из таких населенных пунктов чехословацкие партизаны пленили большую группу немцев и заставили их разбирать эти укрепления.

И вот, как только партизаны увидели приближение к этому населенному пункту нашей колонны, они поставили всех немцев по обе стороны дороги на колени и заставили их так стоять в течение всего времени, пока мы проходили.

Сейчас трудно передать словами все то, что мы чувствовали тогда. Мы шли по коридору из сотен немцев, стоящих на коленях. Шли с чувством гордости за нашу Родину, разгромившую врага человечества — фашистскую Германию и принесшую свободу народам Европы. Мы шли как воины-освободители, и у ног наших стоял на коленях поверженный враг.

И вот сейчас, спустя двадцать лет после нашей Победы, встречаясь со своими друзьями-однополчанами, мы с большим волнением вспоминаем об этой последней для нас странице Великой Отечественной войны, вспоминаем о любви и дружбе к советскому народу нашего брата — чехословацкого народа.

*Кожевников В.,
г. Москва,
28 апреля 1965 г.
Д. 30. Л. 58—60.*

№ 261

СЫНОК, ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ!

День Победы я праздновал в ночь с 8 на 9 мая в верхнесилезском городе Зорау. Война шла на убыль. Иногда поговаривали о бандах, пытавшихся ворваться в безгарнизонный городишко вроде нашего. Уже выздоровевших не торопили с отправкой на фронт. Мы понадобились для охраны госпиталя, занимавшего целый квартал. Властью начальника госпиталя допускалась роскошь: кресло входило в оборудование поста, и в нем разрешалось сидеть. Мне, тогда девятнадцатилетнему сержанту, досталась должность с пистолетом — разводить часовых.

Больше всех я любил третий пост, под аркой, над которой были курсы медсестер. Вечерами там долго пели. Туда, казалось, стеклось все музыкальное хозяйство госпиталя. Вот вечером засиделись допоздна, а потом все затихло, и ощущалась глубина чужой ночи. Часовым уже не сиделось в глухих подъездах. В остывшем небе с торчащей трубой спиртзавода незримо проходил тяжелый, высокий гул самолета, и все настораживало.

Вдруг выстрелы. Кажется, с 4-го или 3-го поста. И вот уже стрельба вблизи и дальше. Заметались ракеты. Кто-то стрелял из окна второго этажа. За садом сквозь зрачок беспорядочную стрельбу зататакали, трассируя вверх, пулеметы. «Тревога!» Какая там тревога, когда из близких зданий кричат: «Ура! Родные, кончилась!». Я уже знал, я уже чувствовал, что это значит, и, не веря догадке, добежал до 3-го поста. Постовой без пилотки

палил в небо. Потом я увидел, что на ней лежали обоймы. Я понял все и не знал, что делать.

Усатый дядька бросил винтовку и, неуклюже обняв меня, прокричал навзрыд: «Сынок, война кончилась!» Плачущие, тревожные и волнуемые, в ночных сорочках, повыскакивали сестры. Они повисали у нас на груди, целуя нас, как будто бы были первые герои. До рассвета никто не спал. А утром был митинг на лужайке.

*Коленский П.И., офицер запаса,
Луганская обл., г. Ровеньки, пос. Ясеновка,
4 мая 1965 г.
Д. 31. Л. 16—17.*

№ 262

МОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ СОВПАЛ С ДНЕМ ПОБЕДЫ

Гвардейский полк, в котором я в то время проходил службу, громил фашистов в Восточной Пруссии. Каждый гвардеец нашего прославленного полка делал все, не жалея своих сил и самой жизни, для полного разгрома фашистской армии.

После похода, совершенного полком 8 мая, поздно вечером был дан отдых личному составу. А утром стало известно о том, что дело, за которое бьется наш героический народ, победило. Гитлеровская армия поставлена на колени, и наступил долгожданный день — День нашей Победы.

В течение некоторого времени гремел салют из автоматов, карабинов, винтовок, пулеметов и артиллерии. А после этого начался прием сдающихся гитлеровских войск.

В этот день вышел специальный номер нашей армейской газеты. Воины с большой жадностью просматривали каждую строку.

И вот в правом верхнем углу опубликовано письмо моей матери, адресованное мне. Мать поздравляла меня с днем рождения, не зная о том, доживу ли я до этого дня. А этот день совпал с Днем Победы. Военная цензура, проверяя письмо, отдала письмо в редакцию. Оно было опубликовано в газете, а затем, точнее, в один день вместе с газетой я получил и письмо.

Командир нашего славного гвардейского полка, Герой Советского Союза подполковник Толстухин Николай Иванович поздравил личный состав с этим великим праздником.

И вот прошло уже 20 лет с тех пор, как закончилось это сражение. Если в 1945 году 9 мая мне было 20 лет, то 9 мая 1965 года я буду отмечать вместе с двадцатилетием победы Советской Армии над фашистской Германией 40 лет со дня рождения.

*Коляда Н.Г.,
быв. гвардеец,
г. Петропавловск-Камчатский,
4 мая 1965 г.
Д. 31. Л. 57—58.*

Особенно был интересен момент, когда в этот день перед Мавзолеем двести наших воинов-победителей с презрением бросили на землю гитлеровские знамена, захваченные в боях.

«Красная звезда» тогда писала в отчете о параде: «Было время, когда гитлеровские полчища мчались с этими зловещими знаменами по странам Европы, шли по нашей земле. В сорок первом году самоуверенные и наглые захватчики готовились пройти с ними по московским улицам. Жизнь жестоко посмеялась над гитлеровскими вояками! И вот в день победного парада знамена поверженной в прах фашистской Германии лежат на камнях Красной площади. Таков бесславный конец разбойничьего похода немецких фашистов на Восток!»

Парад Победы, в котором посчастливилось мне участвовать, явился итогом славного героического пути... символом военного могущества и несокрушимости Страны Советов.

*Питчук В.,
г. Иваново,
15 апреля 1965 г.
Д. 58. Л. 31—37.*

№ 278

Я ВИДЕЛ КАПИТУЛЯЦИЮ НЕМЦЕВ

Мы как раз были со своим разведывательным отделением, помню, где-то на передовой, но не вместе с пехотой, так как наша дивизионная разведка лазила почти по тем местам, где занимала линию обороны наша дивизия. Немного расскажу, как могу и как помню, как настал День Победы. Это было 8 мая 1945 года... мы пришли на передний край с ПД дивизии, встретились с кавалерийским взводом нашей дивизии. Мы все сели на окраине леса и тут стали разговаривать, и кто-то сказал, что немцы капитулируют. Немного позже мы увидели колонну немцев уже без оружия, а некоторые были еще с винтовками. А потом, когда немцы увидели нас, разведчиков, и стали ломать винтовки об телеграфные столбы. Тут-то мы и поняли, что пришел День Победы, и тут была очень и очень большая радость.

Мы стали кричать «ура». Кто прыгает от радости, как дети, кто пилотки бросает вверх: радуются, плачут, обнимаются от радости. У меня в то время была мысль: все, отвоевались, и скоро придет день, когда поедем домой. Но служить пришлось еще до 1947 года, до 24 апреля, в Австрии. А когда настал День Победы, мы были в Германии, точно не помню, но не так далеко от г. Гитригау. 1-й Украинский фронт, 99-я разведывательная рота. Жаль, что грамота мала, а прошел большой путь. Пришлось побывать с марта 1943 года в Румынии, потом в Польше, в Чехословакии, в Германии, в Австрии...

*Панфилов П.Н.,
г. Омск,
20 апреля 1965 г.
Д. 60. Л. 20—21 об.*